

Первая публикация: // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М. 2000. С. 11-29

В.А. Бессонов

Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг.

[11] При изучении темы военнопленных Великой армии большое значение имеет выявление распоряжений государственных органов власти, определявших систему содержания пленных в пределах Российской империи. Эти нормативные документы регулировали основные вопросы, связанные с пребыванием военнопленных в стране, и были обязательны для исполнения в каждом регионе. Следовательно, знание комплекса предписаний главного начальства позволяет определить юридическую основу пребывания пленных в разных губерниях империи и дает возможность яснее представить многие события и процессы, происходившие с военнопленными на местах.

В известной литературе вопрос о нормативных документах, регулировавших содержание военнопленных 1812 г., специально не изучался. Лишь В.Г. Сироткин в статье «Судьба французских солдат в России после 1812 г.» рассматривал комплекс распоряжений правительства, касавшихся вступления военнопленных в российское подданство¹. Поэтому задача выявления и введения в научный оборот предписаний государственных органов власти остается на сегодняшний день актуальной.

Автор уже поднимал вопрос о нормативных документах, определявших содержание военнопленных Великой армии в 1812 г.² Данная работа, являясь продолжением первой, посвящена рассмотрению системы содержания пленных в Российской империи во второй период, хронологические рамки которого определяются 1813-1814 гг.

В то время распоряжения о содержании военнопленных доводились губернским начальникам в предписаниях разных лиц и органов государственной власти, в том числе А.Д. Балашова, А.А. Аракчеева, Министерства полиции, Министерства внутренних дел, Министерства финансов и т. д. Вместе с тем главную роль в направлении деятельности местных органов власти, как и в 1812г., продолжало играть Министерство полиции, чьи распоряжения подписывал главнокомандующий в Санкт-Петербурге и управляющий этим министерством С.К. Вязмитинов. При этом предписания начальникам относительно военнопленных в основном поступали в губернии через 3-й стол Особенной канцелярии Министерства полиции.

[12] Небольшая часть документов о содержании военнопленных была опубликована в Полном собрании законов Российской империи, но основной массив источников остается недоступным вследствие отсутствия их в центральных архивах или сложности выявления отдельных распоряжений. Так, в Государственном архиве Российской Федерации хранится фонд Особенной канцелярии, в котором не только не представлен необходимый комплекс циркулярных предписаний, но и отсутствует представительная информация о них в сохранившихся Журналах исходящих бумаг за 1812-1814 гг. Всего в фонде сохранилось не более 20 дел о военнопленных 1812 г., и это все, что осталось от делопроизводства Особенной канцелярии, большая часть документов которой была утрачена еще до 1846 г.³

Вследствие этого наиболее перспективный путь выявления представительного комплекса нормативных документов связан с поиском источников в региональных архивах, к числу которых относится и Государственный архив Калужской области. В фонде Канцелярии гражданского губернатора (Ф.32) было выявлено более 70 документов, присланных в Калугу от разных лиц и государственных органов (в большей части циркулярные предписания), которые, с учетом опубликованных источников, могут дать представление о системе содержания и динамике пребывания военнопленных в Российской империи в 1813—1814 гг.

Началом второго этапа пребывания пленных в России можно считать предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 24 декабря 1812 г.⁴ (все даты приводятся по старому стилю). В нем требовалось приостановить движение партий военнопленных в дальние губернии и

оставить всех пленных в тех местах, где их застанет распоряжение. Повторное подобное же предписание последовало уже 28 января 1813 г. и было, видимо, связано с тем, что военнопленных как бы по инерции продолжали отправлять в дальние губернии⁵.

Таким образом, с 1813 г. начинается новый этап существования военнопленных в Российской империи, продлившийся до полной репатриации. За эти почти полтора года правительство в основном обращалось к решению задач содержания на местах и распределения пленных, доставления их списков и поиска отдельных лиц, вступления в подданство и возвращения пленных на родину.

Основной вопрос, который встал перед государством в начале 1813 г., был связан с уменьшением затрат на содержание большого числа военнопленных, оставшихся в России после завершения Отечественной войны 1812 г. Для решения этой проблемы Комитет министров представил императору мнение, [13] получившее высочайшее утверждение, в котором предлагалось для сокращения казенных издержек использовать военнопленных в различных сферах хозяйства и для государственных нужд. 14 января 1813 г. Вязмитинов, на основании утвержденного императором мнения Комитета министров, направил губернаторам циркулярное предписание⁶ с требованием разделить всех пленных на четыре группы, каждая из которых получала свое назначение. К первой категории были отнесены поляки, которых должны были отправить для укомплектования полков на Кавказ, в Грузию и на Сибирскую линию. Другую группу составляли пленные, желающие поступить по своим гражданским профессиям на работы, определиться на заводы и фабрики. Пленным-земледельцам предлагалось поселиться между колонистами Саратовской и Екатеринославской губерний. Остальных солдат Великой армии, которые пожелают остаться военнопленными, предписывалось употреблять для постройки и исправления домов в Москве и других городах.

Реализуя высочайше утвержденное мнение Комитета министров о распределении пленных, Вязмитинов 7 февраля 1813 г. обратился к губернаторам с предписанием выявить военнопленных, знающих различные ремесла, работавших на фабриках при горных заводах и рудниках и всех тех, кто происходил из герцогства Бергского, для определения на заводы и фабрики⁷.

Отдельно решался вопрос о распределении военнопленных лекарей. В предписании от 1 апреля 1813 г. Вязмитинов предлагал отправить их в войска и госпитали с тем, чтобы они за свои труды получали соответствующее жалование⁸.

Более главнокомандующий в Санкт-Петербурге не обращался в своих предписаниях губернаторам к вопросу трудоустройства пленных, и на протяжении 1813-1814 гг. при выяснении желания пленного изменить временно свое состояние действовало предписание от 14 января 1813 г. Следует также заметить, что пленные, которые поступали на работы, переходили, видимо, в ведение соответствующих министерств и получение казенного содержания, установленного для военнопленных в предписании Вязмитинова от 29 августа 1812 г.,⁹ прекращалось.

За 1813-1814 гг. главнокомандующий в Санкт-Петербурге в своих предписаниях губернаторам еще три раза обращался к вопросу пленных поляков. 27 марта 1813 г. губернаторы получили предписание отправлять военнопленных поляков в Георгиевск¹⁰. При этом определялись правила их препровождения. 19 августа 1813 г. Вязмитинов подтвердил требование направлять их в Георгиевск к генерал-майору Портнягину, а также предписал препровождать их еще и в Ишим к генерал-лейтенанту [14] Глазенапу¹¹. В начале 1814 г., по донесению Гродненского губернатора, возникла проблема с пленными солдатами, взятыми в неприятельскую службу по конскрипции из Литовских губерний. 22 января того же года Вязмитинов предписал губернаторам поступать с подобными военнопленными «на основании постановления о пленных поляках», т. е. также направлять в Георгиевск и Ишим¹².

Военнопленные французы, итальянцы и голландцы, пожелавшие сражаться против Наполеона, с конца 1812 г. направлялись в Орел для формирования национального легиона¹³. Это была одна из форм распределения пленных, оставшихся в России после Отечественной войны. 3 января 1813 г. управляющему Военным министерством был направлен высочайший указ, который

регламентировал основные вопросы, связанные с формированием легиона. Новое соединение было указано иметь в ведении Военного министерства и формировать по штатам российских войск, при этом провиант и жалование выдавать по мушкетерской норме и дополнительно выплачивать 1 руб. в месяц на мясную и винную порцию¹⁴.

В 1813 г. вопрос уменьшения числа пленных и расходов на их содержание решался государственной властью путем разрешения военнопленным вступать в подданство Российской империи. Основанием для этого послужил указ императора от 4 июля 1813 г.¹⁵ В нем требовалось приводить к присяге лишь нижних чинов, а о пожелавших вступить в подданство офицерах доставлять сведения для рассмотрения в Министерство полиции. Тогда же, 4 июля, главнокомандующий в Санкт-Петербурге направил гражданским губернаторам циркулярное предписание с текстом императорского указа¹⁶. В течение 1813 г. губернаторы получили еще пять распоряжений, уточняющих процедуру вступления в подданство военнопленных. В предписании от 5 августа, на основании высочайшего повеления от того же числа¹⁷, Вязмитинов устанавливал девятимесячный срок для избрания присягнувшими пленными рода жизни и разрешал выдачу им паспортов в любое место, кроме столиц¹⁸. 19 августа губернаторам было направлено распоряжение с требованием отбирать у вступающих в подданство пленных для доставления в Особенную канцелярию сведения об их месте рождения, нации, сословии, возрасте, прохождении службы, семейном положении, знании языков и т. д.¹⁹ Кроме того, главнокомандующий в Санкт-Петербурге рекомендовал губернаторам приглашать присягнувших на верность мастеровых устраиваться на фабрики и заводы. В ноябре 1813 г. по положению Комитета министров были изданы специальные правила, которые необходимо было соблюдать при получении [15] пленных подданства. Для обычных военнопленных эти правила поступили с предписанием Вязмитинова от 4 ноября²⁰, а для пленных-ремесленников они же были направлены губернаторам от Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства внутренних дел 7 ноября 1813 г.²¹ Еще один документ главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 27 ноября 1813 г. разрешал пленным, присягнувшим на верность, пребывать в губернских городах²².

Большое внимание в период 1813-1814 гг. правительство уделяло сбору сведений об оставшихся на территории государства пленных. 4 января 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге предписал губернаторам подготовить ведомости о числе пленных и именные списки генералам, штаб- и обер-офицерам по 15 февраля 1813г. для доставления непосредственно «в собственные его величества руки»²³. На следующий день, 5 числа, Вязмитинов потребовал подобные сведения предоставить и в Министерство полиции²⁴. 16 января главнокомандующий взамен прежних направил губернаторам новые, расширенные, формы о численности военнопленных²⁵. Подобные же статистические сведения о пленных требовал от губернаторов в предписании от 27 января и министр полиции Балашов²⁶.

19 июля 1813 г. последовало предписание Вязмитинова доставить взамен прежних списков генералам и офицерам новые, но с обозначением на родном языке каждым из пленных сведений о себе²⁷. Следующие распоряжения о присылке списков прибывающих и находящихся на жительстве в губерниях военнопленных были направлены губернаторам 14 августа, 9 и 19 сентября²⁸. В 1814 г. 7 мая главнокомандующий в Санкт-Петербурге предписывал начальникам губерний собирать сведения о больных, которые находились на излечении в различных госпиталях²⁹.

Помимо выяснения численности и состава оставшихся на территории России военнопленных Министерство полиции занималось и уточнением количества денег, истраченных на пленных. Так, 11 июля 1813г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге требовал от губернаторов прислать ведомости, какая сумма была издержана на военнопленных с начала войны до дня отправления донесения³⁰.

На основании собранных в Министерстве полиции сведений о численности, составе и местонахождении военнопленных в 1813-1814 гг. принимались решения об освобождении отдельных лиц. Так, в предписаниях от 12 августа и 7 октября 1813 г., направленных Калужскому

губернатору из Особенной канцелярии Министерства полиции, требовалось освободить из-под стражи двух пленных офицеров, содержащихся в Калуге³¹.

[16] Помимо этих частных распоряжений, которые касались конкретных случаев пребывания пленных в определенных местах, главнокомандующий в Санкт-Петербурге рассылал еще и циркулярные предписания губернаторам, связанные с поиском пленных на территории Российской империи. Всего выявлено 11 таких предписаний: 5 в 1813 г. (16 января, 18 марта, 11 апреля, 12 августа, 29 декабря) и 6 в 1814 г. (16 января, 12, 16, 20, 28 февраля и 18 марта)³². При этом в 1813 г. разыскивали 14 человек, а в 1814 г. уже 20.

Практически во всех случаях речь шла об офицерах. Лишь двое пленных названы в документах «некими» и один раз, в предписании от 18 марта 1813 г., делалась попытка отыскать попавшего в плен музыканта Иосифа Оноре, его жену и их сына. Этот исключительный случай был связан с именем императрицы Марии Федоровны, под покровительство которой попали трое пленных детей, чьих родителей и брата она пыталась отыскать через Министерство полиции.

Следующая задача, решением которой занимались государственные органы власти, касалась уточнения и дополнения системы содержания военнопленных в местах их пребывания, основа которой была заложена еще в 1812 г.

Определенные трудности вызывало содержание пленных в госпиталях, где из-за большого количества больных и раненых русских воинов не оставалось средств для продовольствования военнопленных. Эту проблему, поставленную перед гражданскими властями управляющим Военным министерством, главнокомандующий в Санкт-Петербурге разрешил в предписании губернаторам от 7 марта 1813 г.³³ В нем указывалось, что если возникнет необходимость отправить больных военнопленных в госпиталь, то вместе с ними следует посылать и деньги на их содержание за месяц вперед.

В отношении выплат порционных денег военнопленным, которые регулировались предписанием от 29 августа 1812 г., в 1813 г. из Особенной канцелярии Министерства полиции, на основании решения Комитета министров, последовало дополнительное распоряжение от 29 августа³⁴. В нем разрешалось выплачивать женам военнопленных те же суммы, какие были назначены их мужьям. Таким образом, попавшие в 1812 г. в плен женщины начали получать средства к существованию, которых они ранее не имели.

В 1813 г. последовали и некоторые изменения в снабжении военнопленных одеждой. 2 октября на основании решения Комитета министров Особенная канцелярия Министерства полиции уведомила губернаторов, что не имеющие возможность одеть [17] себя пленные обер-офицеры могут воспользоваться для этого пособием от казны в размере 100 руб.³⁵ Вместе с тем нижние чины должны обновлять свою одежду из заработанных ими денег, и только неспособные к работе могут сменить изношенную одежду бесплатно. В отношении прибывавших из-за границы пленных действовали прежние распоряжения, т. е. они должны были получать необходимую одежду согласно времени года. Кроме того, предписание вносило некоторые изменения в установленный 19 ноября 1812 г. перечень вещей, выдаваемых военнопленным.

В отношении содержания пленных на местах решался еще один вопрос, связанный с ответственностью военнопленных за совершаемые ими преступления. 6 мая 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге направил разъяснение, что провинности военнопленных должны рассматриваться военными судами³⁶. А 10 июня 1813 г. последовало распоряжение довести до сведения военнопленных, какую ответственность они будут нести в случае побега из мест, назначенных им для жительства³⁷.

Кроме того, правительство принимало строгие меры и против людей, уличенных в сокрытии военнопленных. Так, на предложение Минского военного губернатора последовало высочайшее соизволение предавать в Минской губернии вместо гражданского военному суду всех людей, замеченных в укрывательстве оружия и военнопленных³⁸. Это распоряжение было передано военному губернатору через главнокомандующего армиями М.Б. Барклая де Толли 1 июня 1813 г.³⁹

В 1813-1814 гг. губернаторам рассылались распоряжения, уточнявшие права военнопленных. В предписании Министерства полиции, по секретной части, от 8 апреля 1813 г. Вязмитинов требовал все письма пленных и высланных, «посторонним образом» получаемые и отправляемые, доставлять для рассмотрения в министерство⁴⁰. Это распоряжение косвенным образом признавало право военнопленных вести переписку, которая им была запрещена соответствующим пунктом предписания от 29 августа 1812 г. Для уточнения предписания от 8 апреля, 20 мая 1813 г. последовало новое секретное распоряжение⁴¹. В нем уже конкретно говорилось, что военнопленные должны были свои незапечатанные письма представлять непосредственному начальству для доставления в Министерство полиции. При этом корреспонденцию пленных запрещалось принимать и отправлять по почте.

Еще один вопрос о правах военнопленных затрагивался в секретном предписании Министерства полиции от 27 марта 1814 г.⁴² В нем Вязмитинов, на основе решения Комитета министров, давал [18] разъяснения, каким пленным разрешалось совершать акты на принадлежащие им имения. Это право получили все военнопленные, за исключением «российских подданных бывших Польских губерний», чьи земли по высочайшему манифесту от 12 декабря 1812 г.⁴³ состояли под запретом.

В предписаниях, направляемых губернаторам из Особенной канцелярии Министерства полиции, значительное место в 1813-1814 гг. уделялось вопросу репатриации военнопленных. С начала 1813 г. до мая 1814 г. в Российской империи происходил процесс постепенного возвращения военнопленных отдельных наций к западным границам России. Он был связан с изменениями военной и политической ситуации в Европе, когда бывшие участники похода в Россию и союзники Франции становились ее врагами. Таким образом, в течение 1813-1814 гг. происходило обратное движение военнопленных на территории империи.

16 января 1813 г. последовало предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге губернаторам об отправке пленных пруссаков в Ригу⁴⁴. К этому же вопросу Вязмитинов обратился еще 10 марта и 22 июля 1813 г.⁴⁵ В первом предписании он подтверждал первоначальное требование направлять всех пленных прусской нации в Ригу, а во втором настаивал на скорейшем возвращении оставшихся по разным причинам в России прусских офицеров.

Весной 1813г. продолжилось возвращение военнопленных немецких государств на родину. 25 марта 1813 г. Вязмитинов предписал направлять в Вильно мекленбургских офицеров⁴⁶. 18 апреля 1813 г. последовало распоряжение об отправлении в Ригу офицеров и нижних чинов герцогства Ангальт-Десаусского, для присоединения их к армиям антинаполеоновской коалиции⁴⁷.

25 апреля 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге предписал губернаторам пленных саксонцев отправлять в Белосток для возвращения их в Дрезден⁴⁸. Однако вскоре это распоряжение было отменено циркулярным отношением правителя Белостокской области от 25 июня 1813 г.⁴⁹ Ссылаясь на отсутствие места для размещения пленных, которое занималось резервной армией, он обратился к Аракчееву с просьбой приостановить прибытие военнопленных саксонцев в Белосток и с одобрения императора получил 9 июня 1813 г. от него согласие на эту меру⁵⁰. Таким образом, с июня 1813 г. отправление пленных саксонцев на родину было приостановлено до особого распоряжения, которое последовало, видимо, лишь 9 ноября 1813 г.⁵¹ В нем по высочайшему повелению Вязмитинов предписывал губернаторам направлять в Ригу и Белосток не только военнопленных из Саксонии, но и из Вюртемберга, Саксен-Веймара и Саксен-Кобурга.

[19] 23 мая 1813 г. от главнокомандующего в Санкт-Петербурге последовало предписание отпустить на родину и австрийских военнопленных⁵². Их возвращение в отечество должно было происходить через Радзивилов.

Осенью 1813 г. продолжился процесс возвращения военнопленных немецких государств. 17 октября 1813 г. пришла очередь баварцев⁵³. 14 ноября Вязмитинов предписал освободить саксен-мейнунгенских и вирцбургских пленных⁵⁴, а 28 ноября 1813 г. последовало распоряжения вернуть на родину всех военнопленных Рейнского союза⁵⁵. Вместе с тем, 2 декабря было разослано еще

одно предписание, уточнявшее освобождение подданных герцогства Франкфуртского⁵⁶.

Освобождение пленных происходило и в 1814 г. 14 января Вязмитинов направил губернаторам циркулярное предписание вернуть на родину через Белосток жителей владений, перешедших Франции от Пруссии и других мест (Ольденбурга, Далмации, Кроации, Фриула, Каринтии, Крайна, Истрии, Триеста)⁵⁷. Кроме того, проживавших в Гамбурге уроженцев Юлиха и Клеве, являвшихся голландскими военнопленными, «и всех вообще Германцев, кои хотя и находились в войсках Франции, но ныне пожелают нести оружие под знаменами освободителей Германии». 16 февраля последовало изменение этого предписания, касающееся жителей Гамбурга⁵⁸. Их требовалось доставлять на родину не через Белосток, а через Ригу.

В 1814 г., до начала полной репатриации, на родину были отпущены военнопленные неаполитанцы и поляки. О первых циркулярное предписание Вязмитинова было направлено губернаторам 31 марта 1814 г.⁵⁹ В нем требовалось отправлять неаполитанцев в отечество через Радзивилов. Последнее предписание от 6 апреля 1814 г. главнокомандующего в Санкт-Петербурге касалось польских военнопленных, которые по высочайшему повелению и вследствие положения Комитета министров были освобождены от принудительной службы России и отправлены на родину⁶⁰. В том же месяце, 25 апреля 1814 г., министр юстиции получил именной указ с предложением вернуть во владение освобождаемым из плена полякам конфискованные ранее имения⁶¹.

12 мая 1814 г. последовало разъяснение к предписаниям, касавшимся возвращения военнопленных⁶². В нем Вязмитинов указывал, что посылаемые губернаторам распоряжения об отправлении пленных в отечество никаким образом не касаются сосланных под присмотр полиции «поляков и других наций людей». Всех их предписывалось оставить на местах и содержать под присмотром до соответствующих повелений. Следует заметить, что среди этих сосланных могли быть и попавшие в плен военнослужащие, [20] на которых таким образом разрешение вернуться на родину не распространялось.

Заключительным актом пребывания военнопленных в России стала полная репатриация. 13 мая 1814 г. Вязмитинов на основании высочайшего повеления направил губернаторам предписание, «чтобы все без изъятия пленные, в России находящиеся, каких бы они наций не" были, отпущены были в отечество»⁶³. Вместе с этим того же числа главнокомандующим в Санкт-Петербурге было подписано «Распоряжение об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся», которое разъясняло порядок отправления пленных⁶⁴. Это «Распоряжение» направлялось в губернии вместе с предписанием и специально разработанным маршрутом движения пленных к назначенным местам.

В «Распоряжении» указывалось, что по высочайшему повелению все военнопленные, отпущенные в свои отечества, должны отправляться к границам империи. Сборными пунктами назначались Радзивилов, Рига и Белосток. Итальянцев предписывалось всех направлять в Радзивилов. Для остальных военнопленных, возвращавшихся из 18 губерний, конечным пунктом отправления назначалась Рига, а для 27 губерний и двух областей — Белосток. Прибывающих на места сбора пленных должны были принимать по спискам от партионных офицеров и проверять, получали ли они все им положенное в пути содержание.

В «Распоряжении» расписывалась не только система приема и отправления пленных в местах их сбора, но и давались рекомендации о препровождении военнопленных к границе. Так, численность партий не должна была превышать 200 человек и иметь не менее 3-х штаб- и обер-офицеров на каждые 100 человек. Отправляться партии должны были последовательно, одна за другой через несколько дней. Тех из пленных, у кого совершенно не было одежды и обуви, предписывалось снабжать всем необходимым с донесением об этом в Особенную канцелярию. Для сопровождения пленных назначался губернский чиновник, которого должны были снабжать предписанием, инструкцией и деньгами, подобно тому, как это делалось в 1812-1813 гг. Финансирование отправления пленных на родину происходило из Казенных палат, т. е. за государственный счет. Содержание пленных генералов и офицеров оставалось прежним, а

нижним чинам, помимо порционных денег, вместо провианта предписывалось выдавать в пути пищу от обывателей, как положено для рекрут, с соответствующей оплатой. В «Распоряжении» указывалось, что эта система должна была распространяться и на Данцигский гарнизон. В дороге для пленных полагалось давать одну [21] обывательскую подводу на 12 здоровых или на двух тяжелобольных пленнх. Офицерам на двоих выделялась пароконная подвода за соответствующие прогоны. Чиновник, сопровождавший партию, должен был вести отчет затраченным на пленнх средствам, в пути уведомлять заранее начальников губернии о своем следовании для оказания помощи и докладывать о приближении к сборному месту на границе. Всем пленным предписано было составлять именные списки: один на их родном языке, другой на русском с указанием имени, фамилии, нации и рода войск. Один экземпляр давался конвойному начальнику, другой посылался в назначенное для сбора место, а третий — в Министерство полиции.

Больных пленнх, оставшихся на местах или заболевших во время следования, приказано было после выздоровления присоединять к другим партиям военнопленнх, следовавших к границе.

Генералам и офицерам, пожелавшим на свои средства возвратиться на родину, разрешалось следовать самостоятельно, но по несколько человек в сопровождении чиновника, который должен был их сдать на границе.

Находившихся под судом военнопленнх решено было отпустить на родину, исключая только тех, которые совершили уголовные преступления и тех, кто находится под надзором полиции.

Для организации непрерывного следования партий военнопленнх главнокомандующий в Санкт-Петербурге направил 28 мая 1814 г. циркулярное предписание губернаторам с требованием заблаговременно запастись провиантом и выдавать его пленным на основании солдатских норм⁶⁵.

Несмотря на все принятые меры, при следовании пленнх к границам России возникали проблемы, которые решались в предписаниях главнокомандующего в Санкт-Петербурге. Так, 16 июня 1814 г. Вязмитинов писал губернаторам, что до него доходят сведения о движении пленнх не в партиях, как это было предписано, а отдельными группами и даже поодиночке⁶⁶. В связи с этим главнокомандующий требовал предписывать партионным начальникам сопровождать пленнх в партиях и запрещать кому-либо от них отлучаться.

Но добиться организованного движения пленнх к границе России сразу не удалось. 3 августа 1814 г. Вязмитинов направил Калужскому губернатору предписание по частному вопросу⁶⁷. Речь шла о партии военнопленнх, отправленных из Казани в Белосток, среди которых «возникли разные беспорядки, своеволие и неповиновение». Это произошло вследствие отсутствия в партии конвоя, который и не оговаривался специально в «Распоряжении» [22] от 13 мая 1814 г. Но в данном случае Вязмитинов требовал от Калужского губернатора при вступлении партии в пределы губернии принять меры к искоренению беспорядков, для чего оказывать всякое пособие и снабдить конвоем.

Видимо, после этого случая 7 августа 1814 г. последовало уже циркулярное предписание главнокомандующего, в котором он требовал отправлять впредь партии пленнх под «приличным конвоем» и не поручать их надзору только пленнх офицеров⁶⁸. Таким образом, это предписание не только уточняло «Распоряжение» от 13 мая, но и значительно его ужесточало тем, что порядок в партиях военнопленнх должен был поддерживаться уже не самими пленными офицерами, но специальным конвоем, как это происходило в период Отечественной войны 1812 г.

Помимо проблем, связанных с отправлением пленнх на родину, возник еще и вопрос, связанный с желанием некоторых пленнх присягнуть на подданство России. 5 августа 1814 г. Вязмитинов на основании решения Комитета министров направил губернаторам предписание, в котором говорилось, что «пленным французам, объявившим желание вступить в подданство России после повеления об отправлении их в отечество, отказать и к присяге на подданство России не допускать»⁶⁹.

Это было последнее предписание, касавшееся военнопленнх 1812 г. Но в 1814 г. были сделаны еще два распоряжения, связанные с теми пленными, которые ранее присягнули на

подданство. 17 августа 1814 г. император направил указ главнокомандующему в Санкт-Петербурге о том, что военнопленные, присягнувшие на подданство России и уже избравшие род жизни, могут по их желанию возвратиться в свое отечество⁷⁰. Основываясь на этом повелении Вязмитинов 18 августа 1814 г. разослал губернаторам циркулярное предписание, разрешающее присягнувшим на подданство пленным вернуться на родину⁷¹.

В отношении оставшихся в России пленных, которые дали присягу на подданство, 3 ноября 1814 г. последовало еще одно предписание Вязмитинова⁷². Основываясь на решении Комитета министров, главнокомандующий в Санкт-Петербурге уведомлял губернаторов, что получившим Российское подданство пленным художникам, мастеровым или ремесленникам можно «предоставить совершенную свободу водворяться в столицах и прочих губерниях и областях Российской империи на общих правилах, для подданных российских существующих».

В отличие от 1812 г., когда немаловажную роль в организации военнопленной части играло военное командование, практически все распоряжения, касавшиеся пленных в 1813-1814 гг., исходили от гражданских властей. При этом те или иные решения [23] относительно военнопленных делались на основании высочайших повелений и постановлений Комитета министров, получивших одобрение императора. Но до губернских начальников они доходили в предписаниях разных лиц и органов государственной власти. Вместе с тем, главную роль в создании положений о военнопленных играл главнокомандующий в Санкт-Петербурге, который через Министерство полиции сообщал губернаторам решения императора и Комитета министров, а также давал по отдельным вопросам самостоятельные разъяснения. Главное место в системе содержания военнопленных в России занимала Особенная канцелярия Министерства полиции, в ведении которой и находились практически все вопросы, связанные с военнопленным частью.

В 1813 г. главным начальством решался весь комплекс вопросов: осуществлялось создание системы привлечения пленных к российской экономике, решались задачи использования военнопленных врачей, разрабатывались условия вступления в подданство. Вместе с тем дополнялись правила медицинского обслуживания и содержания пленных на местах, собирались сведения о численности и составе оставшихся в России представителей Великой армии, велся поиск отдельных военнопленных и проводились мероприятия по отправлению их к границам России. За этот период было направлено губернаторам около 50 циркулярных предписаний, при этом более 40 распоряжений последовало из Особенной канцелярии Министерства полиции.

В 1814 г. круг рассматриваемых в отношении военнопленных вопросов значительно сузился. Продолжался поиск военнопленных на местах, уточнялись права пленных и вступивших в подданство, собирались сведения о находящихся на излечении. Но главное место в 1814 г. уделялось вопросу репатриации. За тот год губернаторы получили более 20 предписаний, и все они были направлены из Министерства полиции. При этом лишь два распоряжения относились к секретной части, а остальные все исходили из Особенной канцелярии.

За 1813-1814 гг. завершилось создание системы содержания пленных в России, основа которой была заложена еще в период Отечественной войны. В связи с изменением военной обстановки и освобождением страны от неприятеля главные проблемы, касающиеся удаления пленных от театра военных действий и создания условий для поддержания их жизни, стоявшие перед правительством в 1812 г., отошли на задний план. На втором этапе существования военнопленных в России наиболее актуальными стали другие задачи — это уменьшение расходов на содержание пленных и постепенное их возвращение к западным границам империи.

[24] Первая проблема решалась различными путями. В первую очередь государство стремилось использовать военнопленных в экономике страны, переложив тем самым на их плечи все расходы по их содержанию. Основным документом, регламентирующим распределение пленных, стало предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 14 января 1813 г. В нем пленным разрешалось заниматься сельским хозяйством или работать по своим профессиям. Остальных, для облегчения содержания, предполагалось использовать на принудительных работах по восстановлению Москвы и других городов. В последующих распоряжениях особое место

уделялось пленным врачам и тем, кто ранее работал в горнодобывающей промышленности.

Следующий способ уменьшения расходов был связан с появлением высочайшего повеления, позволяющего пленным вступать в Российское подданство. На протяжении 1813-1814 гг. вырабатывались критерии и правила, регулировавшие вступление пленных в подданство, и постепенно расширялась география мест, где они могли расселяться. Сначала им разрешили жить в губернских, а затем и в столичных городах.

Как и в 1812 г., польские, а затем и литовские пленные пользовались особым отношением. Они продолжали рассматриваться государством как изменники и мятежники, поэтому права их как военнопленных постоянно ущемлялись. Это выразилось, в первую очередь, в неоднократных распоряжениях отправлять их на укомплектование полков в Георгиевск и Ишим. Эти мероприятия также позволяли снизить расходы, так как поляки и литовцы, становясь солдатами, переставали считаться военнопленными. Лишь в апреле 1814 г., за месяц до всеобщей репатриации, они получили возможность вернуться на родину.

Еще одна форма уменьшения расходов на содержание пленных заключалась в создании национальных легионов, к числу которых относилось и соединение, сформированное в Орле из французских, итальянских и голландских военнопленных. По высочайшему повелению с начала 1813 г. решение всех вопросов, связанных с организацией легиона, было передано в ведение Военного министерства, в том числе и денежное обеспечение вступивших под русские знамена пленных.

Следующая проблема содержания военнопленных в 1813-1814 гг. в России была связана с их отправлением к границам России. Этот процесс можно разделить на два этапа. Первый, начавшийся еще в 1812 г., касался частичной репатриации, т.е. возвращения на родину пленных тех наций, чьи государства становились союзниками России в борьбе против Наполеона. Следует отметить, что критерием для определения нации являлась часть, [25] где служил пленный, а не его место рождения. Такое разъяснение давал главнокомандующий в Санкт-Петербурге в предписании губернаторам от 16 января 1813 г.⁷³ Этот показатель, отразившийся при составлении списков пленных, стал основным во время отправления военнопленных отдельных наций к границам России.

В течение всего 1813 г. из дальних губерний возвращались лишь пленные немецких государств. Первыми стали пруссаки, затем последовали представители Рейнского союза и австрийцы. В 1814 г. предписывалось освободить из плена всех германцев, в том числе и проживавших во Франции и Голландии. Тогда же репатриация была распространена на неаполитанцев и поляков. Основными пунктами, принимавшими пленных на границе России, стали Рига, Радзивилово и Белосток. Однако вследствие скопления русских войск в западных губерниях приходилось приостанавливать отправление пленных. Например, движение саксонцев через Белосток было остановлено примерно на пять месяцев. Таким образом, государство не стремилось в течение 1813-1814 гг. избавиться от большего числа пленных, но проводило последовательные мероприятия по возвращению из плена солдат новых союзников для пополнения армий коалиции, действуя при этом в соответствии с военной и политической обстановкой.

Второй этап отправления пленных к границам России начался 13 мая 1814 г., когда главнокомандующий в Санкт-Петербурге на основании высочайшего повеления объявил о полной репатриации всех пленных. Для отправления пленных из 45 губерний и двух областей Российской империи были разработаны специальные правила. Как и в 1812 г., военнопленные должны были в пути получать медицинское обслуживание, подводы, порционные деньги, провиант, одежду и обувь. Но при этом, по мысли правительства, возвращение на родину пленных должно было проходить без спешки и организовано. В правилах даже специально не оговаривался конвой для охраны партий военнопленных, а обеспечение порядка поручалось самим пленным офицерам.

Вместе с тем, отправление пленных на родину не было полным. Репатриация не распространялась на военнопленных, находившихся под надзором полиции и совершивших уголовные преступления. Каждый из этих людей должен был ожидать индивидуального решения

государственных органов власти о своей судьбе.

При следовании пленных к границам России выявились различные злоупотребления и беспорядки, что заставило правительство [26] принять соответствующие меры. Был усилен контроль за партионными офицерами, а сами пленные должны были следовать к границам под присмотром специально выделенного конвоя. Иначе говоря, при полной репатриации, несмотря на отсутствие военной угрозы, правительство во многом вернулось к методам, существовавшим при отправлении пленных в 1812 г.

В 1813-1814 гг. государственные органы власти занимались также сбором сведений о военнопленных и уточнением системы их содержания на местах. При этом основные проблемы второго этапа находили свое отражение и при решении этих задач.

Предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 29 августа 1812 г. и последовавшие в том же году уточнения оставались основными распоряжениями, которые регулировали положение пленных в местах их пребывания. В рассматриваемый период правительство лишь уточняло отдельные пункты и решало возникавшие вопросы. При этом почти все предписания, касавшиеся содержания пленных на местах, были сделаны в 1813 г. Тогда уточнялась система поступления военнопленных в госпитали, устанавливалась выплата порционных денег пленным женщинам, вносились изменения в снабжение одеждой и обувью, вводилась ответственность пленных за преступления и провинности, решался вопрос о праве пленных вести переписку. В 1814 г. было лишь разрешено пленным совершать акты на их имения. Таким образом, несмотря на изменение военной обстановки, система содержания военнопленных на местах в 1813-1814 гг. не претерпела значительных изменений. И вместе с попытками расширения прав военнопленных происходило некоторое ограничение свободы и стремление к уменьшению государственных расходов.

Денежный вопрос в системе содержания пленных оставался в 1813-1814 гг. приоритетным. Поэтому не случайно для получения общей картины сделанных по военнопленной части расходов в середине 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге запрашивал губернских начальников о предоставлении финансовых отчетов.

Для контроля и учета военнопленных, оставшихся в России, правительство в 1813-1814 гг. проводило мероприятия по сбору с мест сведений об их численности и составе. Основные данные о военнопленных были собраны уже в начале 1813 г., но и впоследствии губернаторы продолжали получать требования о доставлении ведомостей и списков. На основании полученных сведений в период 1813-1814 гг. проводились мероприятия по освобождению отдельных лиц и поиску некоторых пленных, сведения о которых не поступили в Санкт-Петербург. При этом розыскная [27] деятельность Министерства полиции в первые три месяца 1814 г. была больше, чем за весь 1813 г. В основном государственные органы власти интересовались судьбами пропавших в России офицеров.

Что касается последних, то система их содержания в плену несколько отличалась от нижних чинов. В предписании от 14 января 1813 г. специально не оговаривалось распределение пленных офицеров, поэтому они не привлекались ни к каким работам как нижние чины, а оставались на иждивении государства как военнопленные. При желании вступить в подданство вопрос о разрешении присягнуть России, на основании циркуляра от 4 июля 1813 г., должен был решаться не на местах, а в Министерстве полиции. В предписании от 2 октября 1813 г. обер-офицерам, в отличие от нижних чинов, разрешалось брать на покупку одежды и обуви специальное пособие в размере 100 руб. Кроме того, при общей репатриации генералам и офицерам разрешалось самостоятельно возвращаться на родину, не дожидаясь отправления партий военнопленных. Если учесть тот факт, что попавшие в плен представители командного состава получали установленные еще в 1812 г. порционные деньги, в 10 и более раз превышающие выплаты нижним чинам, то можно сделать вывод, что созданная правительством система содержания в плену генералов и офицеров давала им больше свободы и обеспечивала значительными льготами. В то же время правительство не доверяло пленным офицерам, поэтому решение вопроса о вступлении их в

подданство оставляло за собой.

Таким образом, в 1813-1814 гг. закончилось создание системы содержания пленнх Великой армии. В этот мирный период не происходили кардинальные изменения нормативной базы, и все предписания 1812 г. продолжали действовать, несмотря на то, что основа системы содержания военнопленных создавалась в военное время, когда главной проблемой было отправление пленнх в дальние губернии. В 1813-1814 гг. новые направления деятельности правительства, поправки и уточнения появлялись в связи с возникновением проблем, имевших, как и в 1812 г., государственный характер. Вместе с тем во второй период пребывания военнопленных в России, как и в 1812 г., правительство проявляло заботу и об обеспечении военнопленных всем необходимым для поддержания их жизни. Следовательно, создавая нормативную базу содержания пленнх в России, государство не только решало свои финансовые и политические задачи, но и проявляло определенную заботу о жизни и здоровье попавших в плен представителей неприятельской армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сироткин В. Г. Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопр. истории. 1974. № 3.

² Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812г. // Отечественная война 1812г.: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999.

³ ГАРФ. Ф.1165, оп.1, д. 642; Сидорова М. В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX вв. (III Отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамента полиции МВД): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1993. С. 9.

⁴ ГАКО. Ф.32, оп.19, д. 530, л. 7.

⁵ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 74.

⁶ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 45.

⁷ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 92; д. 850, л.2.

⁸ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.202.

⁹ ГАКО. Ф.32, оп.20, д.22, л.542.

¹⁰ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.196.

¹¹ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 474.

¹² ГАКО. Ф.32, оп.19, д.925, л.56.

¹³ Анухтин В. Р. Формирование легионов из пленнх французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812-1813 гг. М., 1913. С. 7, 8.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ).СПб., 1830. Т. 32. 28310. С. 500-501.

¹⁵ ПСЗ. Т.32. 28415. С. 593.

¹⁶ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.407; д.812, л.1.

¹⁷ ПСЗ. Т.32. 25432. С. 606-607.

¹⁸ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 457.

¹⁹ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 474.

²⁰ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.632.

²¹ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.639.

²² ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.679.

²³ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.19.

²⁴ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.18; д.850, л.5.

²⁵ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.235.

²⁶ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.97; д.850, л.5.

²⁷ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.432.

²⁸ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.482, 526, 547.

²⁹ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.925, л.294.

³⁰ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.418.

³¹ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.460, 581.

³² ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л. 184, 228, 235, 460; д.850, л.4; д.909, л.1; д.925, л.И, 42, 84, 92, 104, 220, 224.

³³ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.168; д.850, л.3.

³⁴ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.492.

³⁵ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.574.

³⁶ ГАКО. Ф.32, оп.19, д.530, л.275.

³⁷ ГАКО, Ф.32, оп.19, д.530, л.277.

³⁸ ПСЗ. Т.32. е 25416. С. 593-594.

³⁹ ГАРФ. Ф.1165, оп.1, д. 161, л.1об. На основании этого высочайшего распоряжения с августа 1813г. по февраль 1814 г. было взято под стражу для предания военному суду 29 человек, из них 19 — за укрывательство военнопленных, 4 — за помощь к побегу пленным, 4 — за вредные разглашения и 2 оп.1, д. 161). за сокрытие оружия

⁴⁰ ГАКО, Ф.32, оп.,19 ,Д.8П, л .1.

⁴¹ ГАКО, Ф.32, оп. 19 ,Д .811, л.,4а.

⁴² ГАКО, Ф.32, оп. 19, Д.925, л. ,236.

⁴³ ПСЗ. Т.32. 625289. С.481-482.

⁴⁴ ГАКО, Ф.32, оп.,19,д.530, л. 46.

⁴⁵ ГАКО, Ф.32, оп .19,д.530, л.155, 433.

⁴⁶ ГАКО,Ф.32,оп.19, д. 530, л,189.

⁴⁷ ГАКО, Ф.32, оп. 19,д .530, л.,254; д.904, л.1.

⁴⁸ ГАКО, Ф.32, оп. 19,д.,530,л. 262.

⁴⁹ ГАКО, Ф.32, оп..19, д.900, л.4.

⁵⁰ ГАКО, Ф.32, оп.19, д. 900, л. 5.

⁵¹ ГАКО, Ф.32, оп. 19,д.530, л.642-643.

⁵² ГАКО, Ф.32, оп. 19, Д. 530, л.305.

⁵³ ГАКО, Ф.32, оп.19, Д. 530, л. 607.

⁵⁴ ГАКО, Ф.32, оп.19, Д.530, л.,655.

⁵⁵ ГАКО, Ф.32, оп. 19,д.,530, л.668.

⁵⁶ ГАКО, Ф.32, оп.19, д.530, л.682.

⁵⁷ ГАКО, Ф.32, оп.19, д. 925, л.41.

⁵⁸ ГАКО, Ф.32, оп. 19, д. 925, л.91.

⁵⁹ ГАКО, Ф.32, оп.19, Д.925, л.,242.

⁶⁰ ГАКО, Ф.32, оп.19, Д.925, л.253.

⁶¹ ПСЗ. Т. 32. 625575. С.778.

⁶² ГАКО, Ф.32, оп. 19, д.961 а, л.1.

⁶³ ГАКО, Ф.32, оп. 19,д.925,л.301.

⁶⁴ ГАКО, Ф.32, оп. 19, Д.925,л.302, 304.

⁶⁵ ГАКО,Ф.32, оп.19, д.925, л,324.

⁶⁶ ГАКО, Ф.32,оп.19,д.925,л.,343.

⁶⁷ ГАКО, Ф.32, оп.19,д.925,л. 403.

⁶⁸ ГАКО,Ф.32,оп.19,д.925, л.406.

⁶⁹ ГАКО, Ф.32, оп.19,Д.925, л. 405.

⁷⁰ ГАКО, Ф.32, оп. 19, д.925, л.,422.

⁷¹ ГАКО,Ф.32,оп.19, Д.925,л.,421.

⁷² ГАКО,Ф.32,оп.19,д.,925,л. 542.

⁷³ ГАКО,Ф.32,оп.19,д., 530, л. 235.